

Замечание Пушкина — «прекрасно» (12, т. 12, с. 266). Поэт хвалил стихи Батюшкова, в которых с присущей поэту силой выражалось чувство. Возле слов:

Что потеряла ты? Лыстецов бездушный рой,
Пугалищей ума, достоинства и нравов;
Судей безжалостных, докучливых нахалов —

Пушкин писал: «Есть чувство» (12, т. 12, с. 263).

Чрезвычайно высокую оценку дал Пушкин героическим, гражданским романтическим мотивам лирики Батюшкова, стихотворениям «К Дашкову», «Пленный». Правда, в этом случае поэт жалеет, что русский казак 1812 года говорит, «как трубадур», слогом Парни, а не по-русски.

«Заметки на полях «Опытов» ярко представляли эстетическую позицию Пушкина, которая отличалась самобытностью, широтой в подходе к наследию, критicismом и реализмом.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Батюшков К. Н. Полн. собр. соч. В 3-х т. Спб., 1885—1886.
2. Сотников А. Т. Батюшков. Вологда, 1951.
3. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955.
4. Фридман Н. В. Основные проблемы изучения творчества К. Н. Батюшкова. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1964, т. 23, вып. 4.
5. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. М., 1964, т. 2.
6. Озеров Л. Работа поэта М., 1963.
7. Розанов И. Н. Русская лирика. Историко-литературные очерки М., 1914.
8. Сборник отделения русского языка и словесности Имперской Академии наук. Спб., 1888, т. 43.
9. К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. В 2-х т. М., 1957, т. 2.
10. Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956.
11. Радищев А. Н. О человеке, его смертности и бессмертии — Полн. собр. соч. М.-Л., 1938, т. 2.
12. Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 1—16. М., 1937—1949.

Е. П. ГОРБЕНКО

П. А. ПЛЕТНЕВ и А. С. ПУШКИН

В литературоведении до сих пор не было попытки систематизировать все имеющиеся о П. А. Плетневе све-

дения, выяснить его роль как писателя «второй линии» и одного из критиков пушкинской эпохи, хотя мысль о необходимости такого исследования высказывалась еще в 1892 году (1).

О верном критическом чутье П. А. Плетнева упоминают В. Г. Базанов, Н. И. Мордовченко, Г. А. Гуковский, В. Э. Вацура.

Друзья ценили его «изящный и верный вкус, с которым любили справляться Баратынский и сам Пушкин» (2, с.154). Будучи одним из деятельных членов Вольного общества любителей российской словесности, цензором поэзии и секретарем цензурного комитета общества, Петр Александрович Плетнев активно сотрудничает в периодических изданиях. Статьи критика, обсуждаемые на заседаниях «ученой республики», написаны в духе прогрессивных традиций. ^{со времени} Для них в 20 — 30-е годы характерны патриотизм и гражданственность.

Поиски Плетнева в области литературного процесса многоплановы:

- уже в 20-е годы он одним из первых пытается определить своеобразие и новаторство романтизма Жуковского и Батюшкова;
- выделяет стилевые течения в русской поэзии того времени;
- проявляет постоянное внимание к произведениям с реалистическими тенденциями, высказывается в пользу реалистической манеры повествования;
- в 1822 году в разборе идиллии Гнедича «Рыбаки» высказывает мысль о народности литературы;
- становится зачинателем жанра биографического очерка (Белинский отозвался о его очерках как «умных и мастерски написанных») (3, с. 20);
- создает оригинальную композиционную форму критических разборов.

Наибольший интерес вызывают связи Плетнева с Пушкиным. Сохранившиеся письма (30 — Пушкина и 23 — Плетнева) свидетельствуют о дружбе, основанной на общности интересов.

«Отношения Плетнева к Пушкину представляют собою отношения двух друзей-сверстников, которые при различии во взглядах были солидарны вполне в основных принципах относительно задач и целей литературной

деятельности, объединявших членов того литературного кружка, к которому они оба принадлежали» (4, с. 618). Это суждение нуждается в комментариях и правке. Дело в том, что, видя различие взглядов Пушкина и консервативно-умеренной позиции Плетнева, автор считает их едиными в эстетических взглядах, тогда как и они не были общими.

В 1822 году Плетнев выступает с разбором антологического стихотворения Пушкина «Муза». (Не случайно критик ставит рядом с «Музой» стихотворение Вяземского «К уединенной красавице»). Стихотворение Пушкина в оценке Плетнева представлено как бы освещенным со всех сторон, в совершенстве композиционной целостности и законченности. Четырнадцатистишная форма обретает гибкую пластическую емкость благодаря слиянию мыслей и чувств с мелодическими звуками отточенного стиха: «Полнота звуков для взятой им мысли необыкновенная. Он в 14 стихах все заключил, что может требовать воображение и чувство. Нет ни одного слова лишнего, ни одного стиха невыдержанного, ни одной картины недоделанной... гармония стихов в сем сочинении составляет приятнейшую музыку для слуха» (5, т. 1, с. 58). Неподдельный интерес и сочувствие Плетнева вызывали пушкинские картины сельских пейзажей. Его привлекает, что «стихотворец увидел в первый раз свою музу не в блестящей столице, не в шумном кругу света, но в мирном сельском уединении» (5, с. 58). Плетнев выделяет «Музу» из круга аналогичных сочинений других поэтов по жизнерадостному духу, в противовес настроению стихотворения Вяземского: «Там рождалось сердечное удовольствие, а здесь рождается сердечное уныние» (5, т. 1, с. 59). Он находит тот оттенок стиха, который впоследствии выделит и Белинский. Но главное, что критик видит невозможность отделить поэзию от Пушкина. Он — это сама поэзия, так же как она — это Пушкин: «Вымысел его имеет необыкновенную прелесть простоты, естественности и поэзии» (5, т. 1, с. 57).

Одновременно со статьей Вяземского о «Кавказском пленнике» Пушкина в «Сыне отечества» Плетнев выступает с разбором этой поэмы в «Соревнователе просвещения и благотворения». На первую статью Пушкин

отзывается письмом (от 6 февраля 1823 года). К сожалению, неизвестен его отклик на разбор Плетнева.

Б. В. Томашевский отрицательно отозвался не только об этой статье Плетнева, но и о его критическом даровании вообще: «Плетнев не был ярким критиком, как не был он и ярким поэтом. Его статья о «Кавказском пленнике» не представляет собою нового слова о Пушкине. Но она отражает взгляды некоторого круга петербургских литераторов. По-видимому, он писал ее, советуясь с другими» (6, кн. 1, с. 412). Этот «некоторый круг литераторов» очевидно, входил в состав членов Вольного общества, поскольку перед опубликованием разбор Плетнева был прочитан на заседании общества 11 сентября 1822 года, одобрен и единодушно избран к напечатанию. Над литературно-критической репутацией Плетнева тяготеет приговор Б. В. Томашевского: «П. А. Плетнев не может выйти за пределы литературных параллелей, так как привык судить по аналогии с явлениями, уже получившими оценку» (6, с. 412).

Если сопоставить разборы Плетнева и Вяземского, то результаты будут схожи: положительная оценка изображения местности, ювелирной отделки стиха, симпатии, вызванные самоотверженным характером черкешенки, упрек характеру героя, аналогия Пушкин — Байрон. Разумеется, Плетнев не поднялся до обобщений Вяземского, касающихся романтической поэзии, но анализ его на высоте требований времени. Статья оригинальна. Она вышла практически в одно время с разбором Вяземского.

Яркостью этнографических деталей Пушкин, по мнению критика, мог соперничать с поэмами Байрона. Сравнивая поэму с только что появившимся переводом «Шильонского узника», Плетнев замечает, «как счастливо в одинаковых обстоятельствах побеждает наш поэт английского» (5, т. 1, с. 71). Описания Кавказа сильны, как думает критик, тем, что автор пишет их с натуры: «Описания в Кавказском пленнике» превосходны не только по совершенству стихов, но по тому особенно, что подобных им нельзя составить, не выдав собственными глазами картин природы... Стихотворец то отважен, то гибок подобно разнообразной природе этого дикого азиатского края» (5, т. 1, с. 70).

В известном смысле Плетнев ведет речь о преимуществах реалистического письма. В этом отношении и

образ героини представляется ему удавшимся, она «так открыто и живо явилась поэту, что ему стоило только, глядя на нее, рисовать ее портрет» (5, т. 1, с. 73). Характер написан в соответствии с духом ее народа.

В свое время П. И. Бартенев дал благожелательный отзыв о критике Плетнева на антологическое стихотворение Пушкина и на поэму «Кавказский пленник», отметив «строго нравственные требования» к характеру пленника (7, с. 159). Не удовлетворяла Плетнева любовная коллизия: «Ход страсти, которая бывает изобретательна и неутомима, слишком здесь короток». Не полон рассказ о пленнике, «его участь несколько загадочна» (5, т. 1, с. 69); «кажется, что это недоконченное лицо» (5, т. 1, с. 78); «к изображению пленника примешаны посторонние и затемняющие его характер черты» (5, т. 1, с. 79). Однако недостатки, к которым относилась прежде всего романтическая туманность, не снижают художественности поэмы. Такие произведения ценны тем, что «питают образованный вкус» (5, т. 1, с. 81). Как видим, в отсутствии новизны и тонкости анализа упрекнуть Плетнева нельзя.

В начале 20-х годов между Пушкиным и Плетневым возникает конфликт из-за стихотворного послания последнего «Батюшков из Рима». Пушкин писал брату: «Батюшков прав, что сердится на Плетнева; на его месте я бы с ума сошел от злости — «Батюшков из Рима» не имеет человеческого смысла, даром что «Новость на Олимпе» очень мила. Вообще мнение мое, что Плетневу приличнее проза, нежели стихи, — он не имеет никакого чувства, никакой живости — слог его бледен, как мертвец» (8, т. 10, с. 44). Стихотворение Плетнева появилось в «Сыне отечества» (1821, № 8) без имени автора. П. Бартенев свидетельствует, что с легкой руки Кошанского, увидевшего в послании стих Батюшкова, распространяется слух об авторстве поэта. Вернувшийся из-за границы в тяжелом душевном состоянии Батюшков был возмущен. Вскоре последовали резкие строки Пушкина. Вряд ли негодование его вызвано самим текстом стиха — он вполне безобиден, но стиль действительно имитирует Батюшкова:

Я слышу нежный звук речей
И милые приветы;
Я вижу голубых очей

Знакомые обеты:
Напрасно нега и любовь
Сулят мне упоенья —
Хладеет пламенная кровь,
И вянут наслажденья (5, т. 3, 251).

Возмущала, очевидно, бестактность анонимного подражания Плетнева. Стихотворное объяснение Плетнева, однако, было принято Пушкиным с удовлетворением. По поводу его он писал тому же Льву Сергеевичу: «...послание Плетнева, может быть, первая его пьеса, которая вырвалась от полноты чувства. Оно блещет красотами истинными... тон его смел и благороден» (8, т. 10, с. 48). И в ответе Плетневу Пушкин признавал несправедливость своих обвинений и достоинство посланного ему Плетневым стихотворения: «Если первый стих твоего послания написан так же от души, как и все прочие, то я не раскаиваюсь в минутной моей несправедливости — она доставила неожиданное украшение словесности» (8, т. 10, с. 50).

Стихи Плетнева привлекают искренностью признания ошибки и глубоким уважением к ссыльному молодому поэту:

Твой гордый нрав, скажу без лишних слов,
Утешнее хвалы простонародной:
Я узнаю судью моих стихов,
А не льстеца с улыбкою холодной.

Элегия «К А. С. Пушкину» — образец поэтической скромности и откровенности:

Притворство прочь: на поприще моем
Я не свершил достойное поэта (9, т. 1, с. 335).

В ней создается образ бескорыстного труженика на поэтическом поприще, отягощенного чередой забот, «снедающих бездейственные годы», среди «суровых нужд, желаний безнадежных». Автопортрет поэтичен. Нежный, мягкий образ зеленого деревца символизирует поэзию. Сначала это «дикий цвет» дубровы, роняющий юный лист, потом «одинокий тополь», клонимый «бурями быстротекущих дней». За этими метафорами — трудная юность разночинца; одиночество в мире, где он «теплотой отрадной не согрет».

Драматично ощущение социального неравенства, отчуждения даже от друзей, которые поставлены судьбой выше его:

Но я вотще стремлюся к ним душой,
Напрасно жду сердечного участия:
Вдали от них поставлен я судьбой
И волею враждебного мне счастья.

В стихотворении с большой энергией и правдой выражены близкие Пушкину и Батюшкову мотивы обид, гонений, преследований человека, для которого «рубище и хижина певца бесценнее вельможеского злата» в мире, где «из оков для славного венца зовут во храм гонимого Торквата»:

К 1822 году уже можно отнести слова Бартенева: «Вскоре в переписке между Пушкиным и Плетневым «вы» заменилось словом «ты», и они совершенно сблизились» (7, с.160). Вместе с тем Пушкин находит все более достоинств в стихах Плетнева и в поэтическом послании призывает издателя своих сочинений к творчеству:

Но ради Феба, мой Плетнев,
Когда ж ты будешь свой издатель? (9, т. 2, с. 228).

Верой Пушкина в критический талант Плетнева объясняется включение его в число судей «Евгения Онегина»: «Созови мой Ареопег, ты, Жуковский, Гнедич и Дельвиг — от вас ожидаю суда и с покорностью приму его решение» (8, т. 10, с. 102). Не столько брата, сколько Плетнева уполномочивает поэт издавать свои стихи, расположив их и исправив смысловые искажения по собственному усмотрению.

Отклики Плетнева на «Евгения Онегина» и стихотворения Пушкина мы находим в его письмах и в «Литературной газете» Дельвига. Приступая к изданию романа, Плетнев пишет в Михайловское меткие строки: «Онегин твой будет карманным зеркалом петербургской молодежи. Какая прелесть! Латынь мила до уморы, ножки восхитительны. Ночь на Неве с ума сведет меня. Если ты в этой главе без всякого почти действия так летишь и скачешь, то я не умею вообразить, что выйдет после» (5, т. 3, с. 313). Эти заметки стоят иной критической статьи.

В Пушкине Плетнев видит художественного выразителя нравственного облика молодежи его времени. Видимо, первая глава романа вызывает у него и лич-

ные воспоминания, вот почему он особо ценит XLVI строфу:

Вспомня прежних лет романы,
Вспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, беспечны вновь,
Дыханьем ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы! (8, т. 5, с. 29)

Письмо Плетнева изобилует меткими замечаниями. Это и оценка «Разговора книгопродавца с поэтом» («... верх ума, вкуса и вдохновения»; 5, т. 3, с. 313), и полемические выпады («...раскусят ли это наши классики?»; 5, т. 3, с. 313), и критическое отношение к переводам Козловым Байрона и к думам Рылеева, и не к идеям, а к форме («...историю никак не уломаешь в лирическую пьесу»), и защита Дельвига, в которой «мягкий и терпимый», как обычно его представляют. Плетнев, горячится и негодует: «У них на Парнасе толкучий рынок» (5, т. 3, с. 314).

В трудные годы Плетнев стремится поддержать творческую активность поэта, просит его «приняться за приготовление всех поэм к новому изданию» (5, т. 3, с. 324), продолжать роман. Вообще в переписке с друзьями в эти годы Плетнев независимо высказывает свои симпатии и антипатии, раскован в суждениях и не укладывается в принятую биографами схему поведения. Это не касается переписки с Я. К. Гротом и вообще Плетнева в конце 20-х годов и в более позднее время. В письмах к Пушкину Плетнев временами предстает не только как ученик, но и как учитель: он руководит Пушкиным в практических вопросах книгоиздания, пытается, хотя и неудачно, стать его политическим ментором.

1831 год связан для Пушкина и Плетнева с хлопотами по изданию «Северных цветов» с посвящением Дельвигу. Плетнев предлагает даже Пушкину с Вяземским взяться за издание газеты. В это же время он рекомендует Пушкину; что является его исторической заслугой, молодого Гоголя.

Я. Грот склонен несколько односторонне оценивать переписку Плетнева с Пушкиным: «Все письма Плетнева к Пушкину отличаются одним общим характером: это письма друга, который, не жалея ни трудов, ни времени, с полным самоотвержением берет на себя

все материальные заботы и хлопоты по печатанию и распространению сочинений великого поэта, вполне им понимаемого и ценимого» (10, с. 168). Грот сводит отношения Плетнева и Пушкина преимущественно в материальную сферу, но последняя фраза об их полном взаимопонимании особенно значительна.

В 1826 году в связи со следствием по делу декабристов устанавливается политический надзор за Пушкиным, а вместе с ним и за его друзьями, в том числе и Плетневым. Характер деятельности Плетнева в этот период не должен был бы вызывать подозрений. Но, будучи учителем российской словесности в Павловском кадетском корпусе, Плетнев, по просьбе Жуковского, надзирает за печатанием и продажей сочинений Пушкина, что и привлекает к нему внимание правительства.

С 6 мая 1826 года за Плетневым учреждено секретное наблюдение. Нельзя оставить без внимания этот знаменательный факт. Вот соображения П. Е. Щеголева на этот счет: «А что Пушкин в глазах представителей власти был действительно опасным человеком, об этом свидетельствует дознание о связях учителя Плетнева с литератором Пушкиным, произведенное вне следственной комиссии, но, очевидно, находящееся в (неясной еще для нас) связи с ходом следствия» (11, т.2, с.77). По делу о Пушкине и Плетневе следуют докладные записки Потапова, Дибича, Голенищева-Кутузова. Первый документ датируется 4 апреля 1826 года. Это докладная записка дежурного генерала Потапова барону И. И. Дибичу, извещающая о Плетневе как комиссионере Пушкина по делам печатания его произведений и учителе истории в военно-сиротском доме. Записка Санкт-Петербургского генерал-губернатора П. В. Голенищева-Кутузова от 16 апреля 1826 года констатирует политическую благонадежность Плетнева, несущего службу «с отличным усердием:» «Он женат, имеет от роду 33 года; поведения весьма хорошего, характера тихого и даже робкого, живет скромно» (10, с. 283). Отношения его с Пушкиным Кутузов характеризует как христианское сострадание скромного учителя бедственному положению литератора Пушкина. Тем не менее 23 апреля 1826 года Дибич извещает Кутузова о высочайшей воле: «По докладу моему отношения Вашего превосходительства, что надворный советник

Плетнев особых связей с Пушкиным не имеет и знаком с ним только как литератор, Государю Императору угодно было повелеть мне, за всем тем, покорнейше просить вас, милостивый государь, усугубить возможное старание узнать достоверно, по каким точно связям знаком Плетнев с Пушкиным и берет на себя ходатайство по сочинениям его, и чтоб Ваше превосходительство изволили приказать иметь за ним ближайший надзор» (10, с. 284).

Возбужденное дело осталось без последствий, оно никак не отозвалось в переписке Плетнева. П. Е. Щеголев считает, что, возможно, письма Плетнева после 14 апреля до нас не дошли. Отсутствие документов оставляет непроясненными, может быть, очень важные и существенные обстоятельства. Известно, например, письмо Плетнева к Пушкину от 14 апреля 1826 года, в котором он с пониманием и со знанием возможности воздействия на общество советует поэту: «Я бы очень желал, чтобы ты несколько замечаний своих на Тацита пустил в ход с цитатами. Это у многих повернуло бы умы» (5-т. 3, с. 315). В. Гиппиус, заинтересовавшись пушкинскими замечаниями на «Анналы» Тацита и имея пред глазами приведенную нами фразу из письма Плетнева, предположил, что поэт в недошедшем до нас письме к Плетневу намекал на политический смысл заметок и не предназначал их к печати, так как опасался возможности обнаружения параллели между римским императором Тиберием и русским императором Александром I (см. 12, с. 182).

Мы не задавались целью анализировать всю имеющуюся переписку Плетнева с Пушкиным. Отметим лишь, что в 30-е годы ясно обозначилась тяга Пушкина к Плетневу, это должно также служить предметом дальнейшего изучения. Мнение Вересаева, как думается, не дает полного ответа на вопрос: «В последние месяцы жизни озлобленный, с издерганными нервами, Пушкин тянулся к уравновешенному, незлобиво-мягкому Плетневу, в беседах с ним выше всего ставил в человеке качество благоволения, видел это качество в Плетневе, завидовал его жизни» (13, с. 251).

Плетнев был одним из немногих, кого пожелал видеть Пушкин перед смертью. Подробнее сам Плетнев писал об этом в 1861 году П. А. Зубову. Письмо извест-

но только по выдержкам, опубликованным Зубовым: «В роковую среду я по какому-то предчувствию сам заехал за ним, возвращаясь домой с Васильевского острова. За минуту до меня внесли раненного. В этот вечер ему тяжело было принять меня к себе... но в четверг, рано утром, когда я еще не успел встать, уже он, прислав свою карету, просил меня к себе, а в пятницу его не стало» (14, с. 84).

После смерти поэта Плетнев безвозмездно участвует в издании посмертного собрания сочинений Пушкина, терпя необоснованные упреки и грубый тон Опеки. Об этом писал Б. Л. Модзалевский: «нельзя не пожалеть Плетнева, читая те объяснения этого добросовестного и действительно «без лести преданного» Пушкину друга, которые он давал Опеке, отстаивая свое нравственное право печатать в «Современнике» некоторые неизданные произведения поэта и ссылаясь при этом на Жуковского, который, однако, забыл свои слова и не поддержал Плетнева перед Опекой» (15, кн. 5, с. 177).

Определить общественно-политическую позицию Плетнева нелегко. Ее трудно представить, опираясь на его критические статьи. Он проявлял известную уклончивость от прямой оценки политических событий не только в статьях, но даже и в своей переписке. Придавать серьезное значение при характеристике политического мировоззрения Плетнева официальным его выступлениям мы не должны, так как они были продиктованы его положением воспитателя в царской семье. Более надежным критерием для суждений о Плетневе в этом отношении является, на наш взгляд, его многолетнее сотрудничество с Пушкиным, Дельвигом, Кюхельбекером, Гоголем, Глинкой и др., а также постоянная нерасположенность его к Булгарину, Гречу, Сенковскому. Не только общение, но и последовательное участие во многих начинаниях и свершениях пушкинского круга позволяют нам отнести Плетнева к числу прогрессивных, хотя и непоследовательных, деятелей первой половины XIX века.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Летописец Дмитрий. *Жизнь и труды П. А. Плетнева в русской литературе.* — Биографические записки, 1892, № 7.
2. Вяземский П. А. Памяти Плетнева. — В кн.: Утро, М., 1866.

3. Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13-ти т. М., 1956.
4. Каминский В. П. А. Плетнев и его отношения к Жуковскому и Пушкину — «Русская старина», 1904, № 9
5. Плетнев П. А. Сочинения и переписка. В 3-х т. Спб., 1885.
6. Томашевский Б. В. Пушкин, М.-Л., 1956.
7. Бартенева П. И. Пушкин в Южной России. М.; 1914.
8. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. М., 1963.
9. Поэты 1820—1830-х годов. Л., 1972, т. 1.
10. Грот Я. Пушкин; его лицейские товарищи и наставники. Спб., 1887.
11. Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. М.-Л., 1931, т. 2.
12. Гиппиус В. Александр I в пушкинских «Замечаниях на «Апналы» Тацита». — Временник пушкинской комиссии. М.-Л., АН СССР, 1941; эту версию см. также в примечаниях к 8-му т. Полн. собр. соч. Пушкина в 10-ти т.
13. Бересаев В. Спутники Пушкина. М., 1937, т. 2.
14. Петряев Е. Д. Люди. Рукописи. Судьбы. Литературные находки. Киров, 1970.
15. Архив опеки Пушкина. М., 1939.

Н. А. БАЛАШОВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПУШКИНСКОЙ ЛИРИКИ 1826 ГОДА

(Системные связи)

А. С. Пушкин — одна из вершин мирового искусства. Его поэзия достигла всемирно-исторического значения широтой гуманной мысли, художественной полнотой и целостностью формы, ее слиянием с содержанием.

Все, прикасающиеся к великому источнику пушкинской поэзии, слышат ее гармонию, чувствуют единство всех ее образов. Это высочайший пример образной системы в искусстве. Системность пушкинского творчества как выражение тенденций его художественной мысли была установлена В. Г. Белинским: «У Пушкина никогда не бывает ничего лишнего, ничего недостающего, но все в меру, все на своем месте, конец гармонирует с началом, — и, прочитав его пьесу, чувствуешь, что от нее нечего убавить и к ней нечего прибавить» (1, с. 396). Неизвестная допушкинской поэзии верность своей художественной сути, которая

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
ПИСАТЕЛЯ
И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ТВОРЧЕСТВО

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК

Краснодар
1981